

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.2

УДК 332.1, ББК 65.04

© Минакир П.А., Прокапало О.М.

Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России*

**Павел Александрович
МИНАКИР**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, 153
E-mail: minakir@ecrin.ru

**Ольга Михайловна
ПРОКАПАЛО**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, 153
E-mail: prokapalo@ecrin.ru

Аннотация. В статье рассматриваются макроэкономические тенденции формирования экономического комплекса российского Дальнего Востока. Исследуется взаимодействие динамических и структурных параметров воспроизводства, особенности и закономерности перспективной модернизации региона. Анализируются отклики региональной экономики на различные типы институциональных воздействий, особенности региональной государственной экономической политики на востоке РФ. Рассмотрены тенденции внешних и внутренних воздействий экономического, институционального, военно-политического характера. Описаны закономерности формирования, дана оценка устойчивости тенденций. Целью исследования определен поиск

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ № 16-02-00300.

Для цитирования: Минакир, П.А. Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России / П.А. Минакир, О.М. Прокапало // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 6. – С. 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2

For citation: Minakir P.A., Prokapalo O.M. Centralization and autonomation as the drivers of socio-economic development of the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2

ответа на вопрос о возможностях и путях преобразования социально-экономической системы Дальнего Востока в соответствии с современной национальной геоэкономической парадигмой. Показано, что наилучшие результаты развития Дальнего Востока достигались в те периоды, когда комбинировались внеэкономические цели государства с использованием централизованных государственных материальных и финансовых ресурсов, с целями генерирования внутрирегиональных финансово-экономических ресурсов, основанных на государственной поддержке институциональной среды, максимально комфортной для формирования эндогенного типа воспроизводства в самом регионе. Подтверждена гипотеза, ранее сформулированная авторами в совместных публикациях, относительно того, что наименее удачными с точки зрения поддержания стабильной социально-экономической динамики в регионе являлись периоды, когда государство преследовало исключительно «колониальные» цели извлечения максимально возможной полезности в регионе при минимальной поддержке за счет государственных ресурсов эндогенных факторов развития. Обсуждаются вопросы соотношения эндогенного и кумулятивного регионального экономического роста в условиях усиливающегося значения институциональных оболочек, генерируемых как на федеральном, так и на региональном уровнях. Показано, что особенностью современного периода институциональных новаций в области регионального экономического развития является комбинирование «колониальной» эксплуатации транзитных и природно-ресурсных полезностей региона с реставрацией формирования диверсифицированного хозяйственного комплекса. Анализ трендов развития региона за последние 10 лет показывает, что происходит замещение централизованных финансово-экономических ресурсов институциональными стимулами, что может обусловить увеличение сроков формирования потенциала эндогенного развития экономики региона и сделать его результаты менее предсказуемыми.

Ключевые слова: Дальний Восток, макроэкономические тренды, институты, автономизация, интеграция, экономический рост, развитие, Восточная Азия.

Введение

В 2013 г. ускоренное развитие российского Дальнего Востока было провозглашено национальной приоритетной задачей на весь XXI век¹. В 2012 г. в г. Владивостоке состоялся саммит АТЭС, который впервые прошел в России после ее присоединения к этой международной организации в 1988 г. Этим событиям предшествовало очередное переосмысление геоэкономического позиционирования России в 2007–2012 гг., результатом которого стало смещение стратегического акцента в развитии экономических взаимодействий с атлантического на тихоокеанское направление.

В определенном смысле это переосмысление является уникальным явлением в отечественной экономической истории.

Конечно, за почти полтора столетия историю колонизации и развития Дальнего Востока, исключая период 1930–1960 гг., сопредельные страны Северо-Восточной Азии являлись

естественным приоритетным партнером и источником ресурсов развития для самого российского Дальнего Востока. А в отдельные периоды (1922–1928 и 1991–2000 годов) рынки стран Северо-Восточной Азии и получаемые от торговли с ними доходы являлись единственным фактором сохранения целостности социально-экономической системы в регионе [4].

Однако восточный приоритет касался только дальневосточного экономического региона. Впервые обозначен «восточный» разворот для всей национальной экономики². И это означает изменение роли самого Дальнего Востока как пространственного «макроэкономического агента» национальной экономики. Если ранее регион де-факто являлся с точки зрения стратегии национального экономического развития относительно автономным экономическим субъектом, который в разной степени поддерживался метрополией в ресурсном и институциональном отношении, то теперь он предстает

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/

² Вероятно, точкой отсчета можно считать решение Совета Безопасности РФ, принятое в 2006 г. (см., напр. [12, с. 17–25]).

приоритетным субъектом национальной социально-экономической динамики, функционирование которого должно обеспечивать достижение стратегических целей национальной экономики.

Экономический комплекс региона сложился в результате взаимодействия многообразных тенденций, внешних и внутренних воздействий экономического, институционального, военно-политического характера. Описанию закономерностей формирования и оценке устойчивости этих тенденций посвящена настоящая работа, целью которой является поиск ответа на вопрос о возможностях ее преобразования в соответствии с новой геоэкономической парадигмой, а также оценка критических точек приложения управленческих воздействий с целью достижения желаемых преобразований.

Развитию Дальнего Востока на отдельных этапах и при различных институциональных режимах функционирования посвящена богатая научная литература, в которой анализируется региональная экономика и ее взаимодействие с национальным и международным экономическими пространствами. В советский период истории экономической мысли основное внимание исследователей было обращено на проблемы определения рациональной концепции освоения и развития региона, а также на вопросы оптимального размещения производственных мощностей, распределения и эффективности использования экономических ресурсов.

В работах Н.Н. Колосовского [8], А.Н. Гладышева [3], Б.Ф. Шапалина [3], Ф.Ф. Дьяконова [6], В.С. Немчинова [17] были сформулированы основные положения концепции развития Дальнего Востока в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР с учетом начавшейся в 1960-х годах ограниченной внешнеторговой интеграции со странами Северо-Восточной Азии, в первую очередь с Японией. Наиболее продвинутой с точки зрения сегодняшних представлений об интеграции региона и страны на глобальных рынках являлась концепция множественности рынков В.С. Немчинова.

Эти исследования были продолжены и в постсоветский период с акцентом на модификации институциональной среды и изменении приоритетов государственной региональ-

ной политики в работах А.Г. Гранберга [5], и П.А. Минакира [15]. Особенно интенсивные исследования проблем переходного периода в экономике Дальнего Востока проводились в 1990-е годы [22; 23; 24]. Большое внимание в научной литературе уделялось вопросам внешнеторговой и в целом внешнеэкономической специализации Дальнего Востока, проблемам его экономической и институциональной интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Северо-Восточной Азии. Различные аспекты этих проблем рассматривались в исследованиях Н.Л. Шлык [21], В.С. Немчинова [17], П.А. Минакира [15; 16], Д. Стефана [29], С. Девиса [26], Н. Лин [28].

Эти и другие проблемные вопросы, в числе которых также размещение производства и его специализация, пространственное распределение факторов производства, территориальная организация производительных сил на Дальнем Востоке, рассматриваются в данной статье с точки зрения анализа темпоральных закономерностей формирования и развития экономического комплекса региона, объясняющих его динамические и структурные особенности и перспективные отклики на различные новации в области активной государственной экономической политики.

ЭТАПЫ формирования региональной экономической системы.

Начало колонизации. 1860–1913 гг.

Интенсивное экономическое освоение и развитие Дальнего Востока началось с конца XIX века, с момента строительства Транссибирской магистрали. Однако история экономического освоения региона началась значительно раньше, практически сразу после присоединения Приамурья и Уссурийского края к Российской империи [1; 29, с. 21-56]. Главнейшей целью формирования экономического потенциала в регионе являлась не экономическая задача создания военной базы России на Тихом океане. Государственная политика ориентировалась в этот период на национальную целесообразность, а не на экономическую эффективность.

Уже в 1861 году императорское правительство ввело специальные правила для переселенцев на Дальний Восток, которые предусматривали предоставление налоговых и земельных льгот. С 1881 г. были введены но-

вые льготные правила. В результате за период 1861–1890 гг. на Дальний Восток из Европейской России переселилось около 1 млн. человек. Это создало трудовой потенциал, который составил основу будущего экономического подъема [9, с. 39].

В первую очередь в регионе начало развиваться сельское хозяйство, степень товарности которого увеличилось к 1902 г. почти в 5 раз, а также пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, добыча пушнины, рыбы и морского зверя.

К 1905 г. почти 25% всего добывавшегося в России золота поставлялось Дальним Востоком [2, с. 46–64]. В 5 раз увеличилась в 1894–1903 гг. добыча угля (с 16 до 80 тыс. тонн). С начала XX века начались разведочное бурение на нефть, разведка месторождений цветных металлов. При этом рынки Европейской России были географически недоступны, в результате чего экономический оборот Дальнего Востока опирался в значительной степени на внешние рынки. Этому способствовало предоставленное в 1860 году портам Приморской области право свободной торговли иностранными товарами.

Строительство Уссурийской железной дороги, экономический подъем в России (1907–1913 гг.) и активная политика государства дали мощный толчок экономическому развитию на Дальнем Востоке. Выделение государственных ресурсов осуществлялось в прямой и косвенной форме (субсидии, снижение транспортных тарифов, поддержка переселенцев и пр.). При этом хозяйственный комплекс региона, за исключением казенных предприятий, обеспечивавших нужды армии и военно-морского флота, функционировал автономно на основе рыночных принципов и критериев. Экономически регион был полностью открыт, экономические барьеры на западном направлении смягчались протекционистской политикой государства. А барьеров для внешних взаимодействий со странами АТР просто не существовало. В 1913 г. внешнеторговый оборот Дальнего Востока составлял более 98 млн. руб. золотом, из которого на долю импорта приходилось более 76% (или более 75 млн. руб. золотом) [9, с. 143]. Трудовые ресурсы в значительной степени формировались за счет легальных и нелегальных эмигрантов из Китая.

В результате концентрации капитала, в том числе иностранного, в ведущих отраслях промышленности (золотодобывающей, угольной, рыбной), а также быстрого развития торговли производимый доход и общее количество рабочих мест в регионе к началу Первой мировой войны увеличились. За 1900–1913 гг. объем промышленного производства на Дальнем Востоке увеличился почти на 70%.

Военная экономика. 1914–1922 гг.

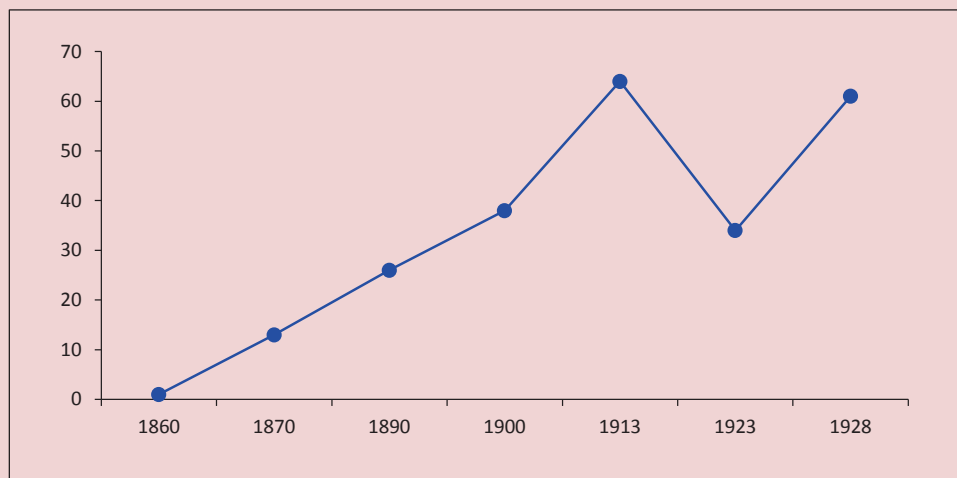
С началом Первой мировой войны ситуация изменилась. Государственная поддержка постоянно уменьшалась, а с 1917 г. практически прекратилась. Это привело почти к полному упадку промышленности Дальнего Востока, которая должна была ориентироваться исключительно на критерии экономической эффективности, с точки зрения которых регион был замыкающим не только в России, но и в Сибири, здесь была самая низкая концентрация производства и, как следствие, самая низкая производительность труда [15, с. 140].

Масштабы экономической деятельности вынужденно приводились в соответствие с изменившимися условиями функционирования «на собственной базе». В тяжелом положении оказалась золоторудная промышленность. К концу 1922 года добыча золота составляла лишь около 10% довоенного уровня. Прекратилась промышленная добыча вольфрама, олова, известняка. Провозная способность железных дорог сократилась более чем в 5 раз.

Сложившиеся экономические связи Дальнего Востока почти полностью нарушились как внутри России, так и с азиатским окружением. Экономический оборот вынужденно ограничился собственно региональным рынком. К 1922 г. объем промышленной продукции в регионе сократился по сравнению с 1913 г. на 47% (рис. 1).

Решающее значение внешних экономических ресурсов заставляет определить этот период как «колонизацию наоборот» – метрополия стремилась не извлечь дополнительный доход из самого региона, но инвестировала в него доходы самой метрополии. Это можно трактовать как инвестиции в будущие доходы, но с точки зрения самого региона он являлся реципиентом доходов метрополии.

Рис. 1. Динамика объема промышленного производства на Дальнем Востоке, млн. руб. (в сопоставимых ценах 1926 г.)

Составлено по: Архивные материалы Далькрайплана. Хабаровск. – 1938. – Д. № 51.– Л. 2.

Восстановление экономики (1923–1932 гг.)

Никакой существенной помощи дальневосточному краю Центр в этот период оказать был не в состоянии. Регион мог опираться только на собственные ресурсы. Региональные органы планирования и управления получили широкие полномочия, вплоть до самостоятельного решения финансовых вопросов капитального строительства и стратегии перспективного развития. Это помогло сконцентрировать ресурсы на важнейших и наиболее перспективных направлениях (рыбная, лесная промышленность, золотодобыча) [16, с. 56]. Фактически в этот период была сформулирована концепция планового управления экономикой Дальнего Востока, которая реализовывалась в течение последующих 50 лет, – концентрация ограниченных ресурсов в отраслях специализации при безусловной минимизации текущих и единовременных затрат практически во всех остальных сферах народного хозяйства региона [15, с. 144].

Эта концепция в реальной ситуации 1920-х годов оказалась успешной. В 1923–1928 гг. в хозяйство региона было вложено почти 1 млрд. руб. преимущественно из внутрирегиональных источников. Почти 15% общего объема инвестиций было профинансировано за счет активного сальдо внешней торговли, стоимость которой составляла около 7% объема валовой

продукции региона. Экспортная квота достигала 24% в лесной промышленности, 23,7% – в угольной и 7,4% – в рыбной промышленности [16, с. 59].

К 1928 г. экономика Дальневосточной республики (ДВР) была в значительной степени восстановлена, появились новые отрасли промышленности – нефтяная, цементная, а валовая продукция промышленности Дальнего Востока составила 95,3% от уровня 1913 года³. При этом в целом экономика региона оставалась преимущественно аграрной. В промышленности было занято только 9% населения, а стоимость продукции сельского хозяйства составляла почти 70% стоимости всего валового продукта по региону.

С 1928 г. автономизация хозяйственной жизни сменилась на Дальнем Востоке интеграцией в национальный воспроизводственный процесс. Этому способствовало изменение национальных военно-политических приоритетов. С учетом значения экономического потенциала в условиях удаленности потенциального дальневосточного театра военных действий от европейской части СССР было принято решение об ускоренном создании на Дальнем Вос-

³ Архивные материалы Далькрайплана. 1938 г. Д. № 51. Л. 2.

токе относительно автономного в основных производственных элементах экономического потенциала. Соответственно, принципиально изменились масштаб и источник ресурсов для накопления.

Как результат в 1928–1932 гг. усиленные инвестиции позволили в 4 раза увеличить объем производства в тяжелой и добывающей промышленности, в том числе в 1,9 раза – производство потребительских товаров. Существенную долю общего объема производства составляли экспортные поставки: 24% – в лесной, 23,7% – в угольной и 7,4% – в рыбной промышленности.

Дальний Восток превращался из аграрного в промышленный регион.

Индустриализация и военная экономика. 1933–1945 гг.

Уже с 1930 г. экономический барьер между Дальним Востоком и «континентальной» Россией практически исчез. Субсидии из государственного бюджета компенсировали повышенные транспортные затраты, затраты на оплату труда, энергию. Зато появился политический барьер на восточных границах региона, что привело к полной переориентации экономики Дальнего Востока на внутренние районы СССР. После 1933 г. началось массивное насыщение экономики Дальнего Востока централизованными капиталовложениями. В 1933–1940 гг. в экономику региона было вложено 10,2 млрд руб. [20, с. 73]. Доля Дальнего Востока в общесоюзных капитальных вложениях поднялась с 0,8% в 1924–1927 гг. до 6,3% в 1932–1937 гг. и до 7,5% в 1938–1940 гг. Выше была доля только Центрального и Уральского экономических районов [20, с. 73]. Были построены и реконструированы более 100 промышленных объектов в КомсомольскенаАмуре, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске. В Магаданской области и в Якутии создавалась мощнейшая в СССР золотая и оловянная промышленность [15, с. 160-161].

К 1940 г. валовая продукция промышленности СССР увеличилась по отношению к 1913 г. в 8,5 раза, а на Дальнем Востоке – более чем в 15 раз. Добыча угля выросла к 1940 г. в 19,3 раза до 7,2 млн. тонн (в целом по СССР в 5,7 раза), что позволило отказаться от импорта угля. Вывозка древесины в регионе к 1940 г. достигла

15,8 млн. куб. м, увеличившись в 4,6 раза по сравнению с 1928 г. и в 5,5 раза по сравнению с 1913 г. [15, с. 165]. К 1938 г. Дальний Восток превратился в индустриальный регион, доля сельского хозяйства в совокупном продукте промышленности и сельского хозяйства снизилась с 68% в 1913 г. до 19,6% в 1937 году [20, с. 76-87].

Несмотря на войну, экономика Дальнего Востока продолжала развиваться. К 1950 г. объем промышленного производства по сравнению с 1940 г. увеличился на 63%. Монотонность экономического роста отражала фундаментальный эффект централизации распределения ресурсов и приоритет некоммерческих и внеэкономических критериев распределения.

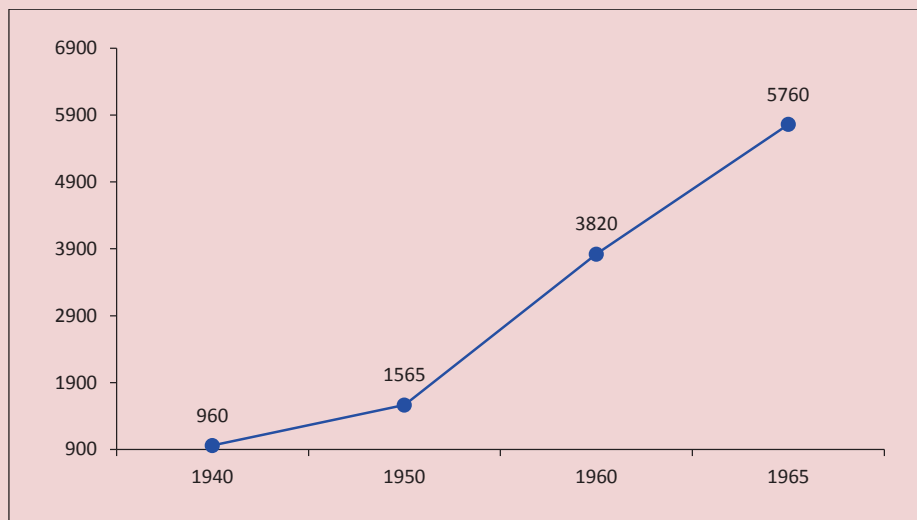
Дальний Восток не являлся основным полигоном для эвакуации промышленного потенциала СССР во время войны. Тем не менее в регион был перебазирован ряд промышленных предприятий из центральных районов России и Украины. Промышленное и инфраструктурное строительство продолжалось и во время войны, доля региона в капиталовложениях в 1940-е годы составляла 7,8% всех капитальных вложений СССР, что превышает показатели 1930-х годов [3, с. 31].

Начало стагнации. 1946–1964 гг.

Необходимость восстановления экономики СССР после войны потребовала концентрации всех имеющихся ресурсов в западных районах страны. Доля региона в союзных инвестициях снизилась, а мобилизовать недостающие ресурсы накопления внутри региона на этом этапе было уже невозможно, так как кардинально увеличился масштаб дальневосточной экономики и объем необходимых инвестиций. Дальний Восток на некоторое время потерял статус приоритетного с военно-политической точки зрения региона, что означало необходимость включиться в межрегиональную конкуренцию за централизованные ресурсы накопления. Эта конкуренция происходила на основе экономических критериев, по которым регион в большинстве секторов экономики проигрывал сибирским и европейским регионам страны.

Благодаря тому, что основной капитал в отраслях, инвестирование в которые в 1930-е – 1940-е годы осуществлялось ускоренными темпами, был относительно новым, а высокий уровень загрузки мощностей являлся

Рис. 2. Динамика валовой продукции промышленности в 1950–1965 гг., млн. руб. (в сопоставимых ценах 1926 г.)

Составлено по: [3, с. 31; 20, с. 76-87].

в советской экономике почти законом, экономика региона смогла продолжать динамично развиваться (рис. 2), поддерживая высокие среднегодовые темпы прироста промышленного производства (9%).

Но темпы развития на Дальнем Востоке стали уступать средним по промышленности СССР (12,3% в год), что привело к быстрому отставанию дальневосточной динамики (в 1945–1964 гг. рост продукции промышленности на Дальнем Востоке составил 600% против 723% в целом по СССР [13, с. 53]), что противоречило принятой концепции развития региона, предусматривавшей ускоренное развитие его экономики.

Готовившаяся экономическая реформа могла закрепить эту тенденцию, так как предполагала масштабное внедрение принципов хозрасчета при распределении ресурсов, в том числе и в территориальном планировании. Наибольшей проблемой это стало бы для развития региональных комплексующих и вспомогательных производств, для которых показатели эффективности, учитывая узость внутреннего рынка, ограничивали возможности развития. В то же время отставание в развитии этих отраслей могло заблокировать развитие всего экономического комплекса.

В этих условиях необходимой стала корректировка общей концепции развития региона за счет экспортной ориентации производства [17, с. 3-15]. К концу 1950-х годов акцент на внешнеторговой ориентации уже вполне проявился. Объем внешнеторгового оборота региона увеличился по сравнению с 1938 г. в 15,5 раза [11, с. 13]. С 1964 г. эта концепция получила политическую интерпретацию. Были заключены долгосрочные компенсационные соглашения с Японией по разработке лесных ресурсов, угля и природного газа, в соответствии с которыми эти отрасли получали японские кредиты на основной и оборотный капиталы с оплатой готовой продукцией этих отраслей.

Межреформенные пятилетки. 1965–1991 гг.

С середины 1960х гг. экономическая ситуация для Дальнего Востока, экономика которого к этому времени была уже жестко связана с народнохозяйственным комплексом СССР, в очередной раз изменилась.

Во-первых, надежды на повышение эффективности производства в результате внедрения принципов хозрасчета в оценку работы предприятий и систему распределения ресурсов не оправдались и экстенсивный путь развития окончательно стал определяющей стратегией для советской экономики. Это означало

рост ресурсоемкости прироста продукции, а следовательно, возрастание оценок полезности отраслей специализации Дальнего Востока для национальной экономики. Дальний Восток опять начал привлекать внимание центральных органов управления, теперь уже как новая сырьевая база для некоторых отраслей.

Во-вторых, опять обострилась военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в связи с напряженностью в отношениях с Китаем.

Эти обстоятельства обусловили принятие специальных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1967 и 1972 гг.) о направлении на развитие экономики региона дополнительных бюджетных инвестиций, строительстве новых промышленных объектов, развитии сырьевой базы, энергетики, оборонных производств. Доля Дальнего Востока в общесоюзных инвестициях начала повышаться и составляла в 1965–1975 гг. 7,1–7,4%. С точки зрения ускорения темпов роста этот импульс не имел существенного положительного эффекта (табл. 1). Превышение темпов над средними по стране было слабым утешением на фоне общего падения темпов роста.

Темпы снижались не только в целом по промышленности, но и в наиболее эффективных и привилегированных с точки зрения получения ресурсов отраслях специализации в связи с исчерпанием дешевых источников сырья и медленным внедрением новой техники и технологий. Все сильнее сказывалась нехватка ресурсов накопления для поддержания выбывающих мощностей по добыче сырья.

В 1986–1987 гг. была сделана попытка усилить эффект от использования внешних рынков для развития региона. М.С. Горбачев провозгласил начало поворота советской внешней и экономической политики в сторону Тихого океана. В сентябре 1987 г. была принята Долгосрочная государственная программа экономического и социального развития Дальнево-

сточного экономического района и Забайкалья на период до 2000 г., в которой декларировалась новая эра для Дальнего Востока.

Провозглашенная цель – создание в регионе конкурентоспособного в рамках международного рыночного хозяйства экономического комплекса – конфликтовала с самого начала с отраженными в программе привычными задачами планомерного встраивания регионального хозяйства в национальную экономику за счет централизованных капиталовложений. В 1986–1990 гг. на Дальний Восток было направлено 51,5 млрд. руб. (7,6% совокупных инвестиций России). Это было вполне сопоставимо по масштабам с инвестициями в развитие Дальнего Востока в период индустриализации. Однако программа не смогла изменить инерционный характер развития. Ни инструментов, ни идеологии инвестиционного маневра с целью модернизации качества региональной экономики не существовало. Преимущественно экстенсивное развитие при ограниченных ресурсах обусловило дальнейшее замедление темпов роста, нарастание диспропорций отражало системные региональные и национальные проблемы. Впрочем, это были структурные проблемы, которые непосредственно не свидетельствовали и не предполагали последовавшего системного кризиса.

Тем не менее в течение всего периода 1987–1991 гг. встроенная в национальный рынок и поддерживаемая государством экономика Дальнего Востока постепенно трансформировалась в маргинальную и относительно автономную систему с неконкурентоспособным производством и низким экспортным потенциалом (имея в виду под экспортом также вывоз на внутренние рынки других регионов) при высокой зависимости от импорта. Эта трансформация фактически завершилась в 1991 г. в форме развала хозяйственных связей, что поставило региональную экономику на грань катастрофы.

Таблица 1. Среднегодовые темпы роста промышленного производства, %

	1965–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1990
РСФСР	8,3	7,3	4,1	3,4	2,5
Дальний Восток	8,3	7,0	3,6	3,7	2,8

Источники: Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. – М., 1976; Экономико-статистический справочник ДВЭР. – Хабаровск – ИЭИ ДВО РАН, 1992.

Трансформационный кризис и восстановление экономики. 1992–2007 гг.

Трансформация принципа «народнохозяйственной целесообразности» как критерия межрегионального распределения ресурсов и рынков в принцип межрегиональной конкуренции на основе сравнительных параметров производственных издержек и инвестиционных ожиданий поставила Дальний Восток России, для которого (см. выше) почти 100 лет критериями распределения ресурсов являлись внеэкономические критерии, а единственной формой конкуренции – конкуренция за централизованные «фонды» (материальные, продовольственные, финансовые и пр.), в чрезвычайно тяжелое положение. За 1992–2007 гг. экономика Дальнего Востока прошла путь от резкого спада (1992–1994 гг.) и депрессивной стабилизации (1995–1998 гг.) до экономического оживления (1999–2007 гг.) (рис. 3). Низшая точка в кризисе была пройдена дальневосточной экономикой только в 1999 г. Но сам период трансформационного спада не был однородным.

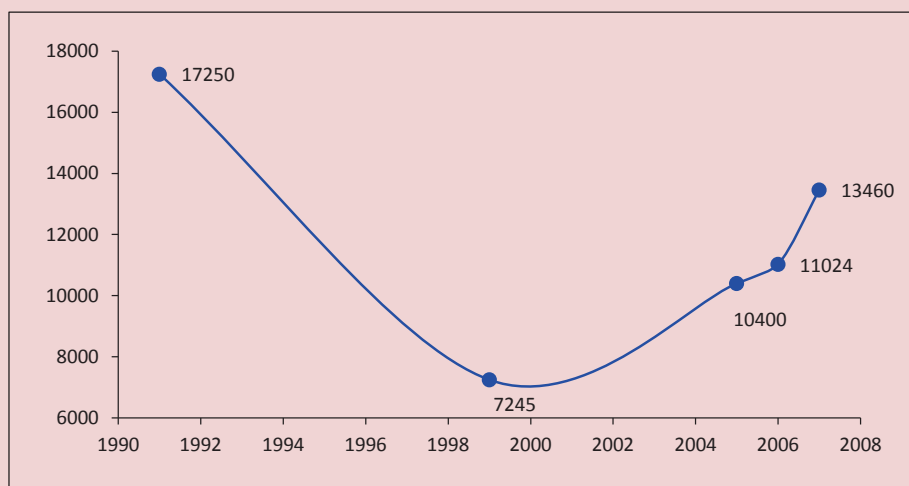
Катастрофического крушения региональной экономики в смысле распада экономических связей с последующим крушением производственной и социальной систем с началом реформы не произошло. В самом начале реформ (1992–1993 гг.) действовали факторы, поддерживавшие экономику региона.

Во-первых, традиционно расценивавшийся как негативный тренд преимущественного развития сырьевого сектора стал в новых условиях, хотя и на короткое время, позитивным. Сырьевые отрасли, определявшие промышленную динамику в регионе, сохранили на некоторое время государственную поддержку.

Во-вторых, ранее аккумулировавшиеся исключительно в государственном бюджете доходы от внешнеторговой деятельности начали поступать на балансы дальневосточных экспортеров, что стало важным компенсатором сокращения внутреннего спроса и доходов.

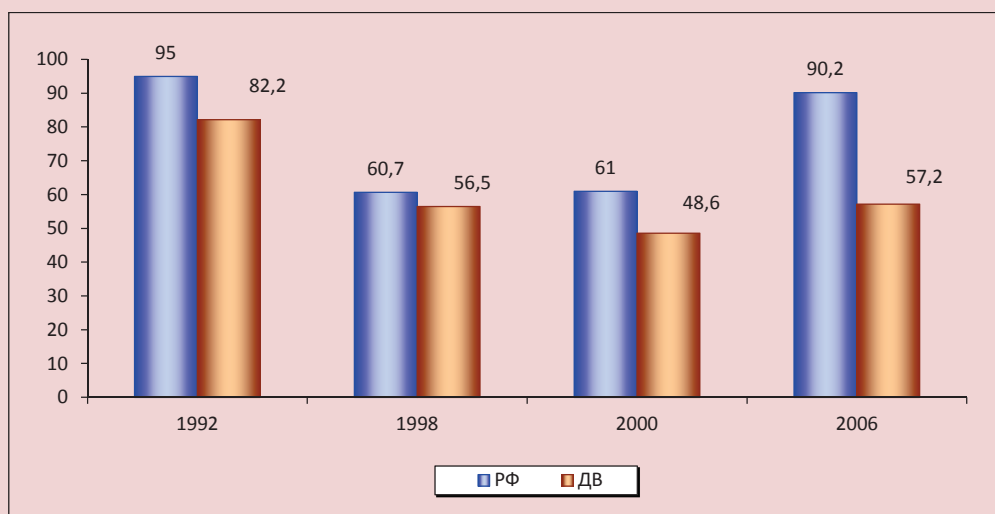
Эти обстоятельства позволили смягчить проявление шока в промышленном производстве в регионе по сравнению с Россией в 1992–1993 гг. (25,2% против 29,5% в целом по РФ за 1992–1993 гг.), но в целом региональная экономика не смогла заменить потерянные внешние (централизованные) конъюнктурные компенсаторы внутрирегиональными или внешнеэкономическими, что привело к быстрому формированию «динамических ножниц», отставанию общеэкономической динамики в регионе от среднероссийской (рис. 4). Ситуацию не смогла исправить и принятая в 1996 г. «президентская» программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2005 г., в которой декларировалось восстановление государственной поддержки развития региона за счет

Рис. 3. Динамика промышленного производства, млн. руб., цены 1926 г.

Источники: составлено по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 1998. – 813 с.; Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2006. – 750 с.

Рис. 4. Динамика ВВП/ВРП, %, 1991=100

Источники: составлено по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2006. – 750 с.; Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2008. – 847 с.

средств федерального бюджета, то есть переход к политике поддержания кумулятивного экономического роста. Однако реальные возможности федерального бюджета были значительно преувеличены. Решить проблемы разрушения запретительных транспортных и энергетических барьеров, структурной модернизации и кардинального изменения миграционной ситуации было практически невозможно даже без последовавшего в 1998 г. финансового кризиса, который фактически аннулировал эту программу.

В течение всего периода после 1992 г. регион фактически функционировал в условиях конкурентного межрегионального распределения ресурсов, что означало заведомый проигрыш Дальнего Востока, экономические агенты которого не имели, как было показано выше, сравнительных экономических преимуществ. При этом даже тот уровень государственной поддержки регионов, который существовал в этот период, приводил в реальности к сравнительному проигрышу Дальнего Востока, так как государственная политика также основывалась на принципах сравнительной эффективности пространственного распределения ресурсов, которая заведомо была выше у регионов, обладавших стартовыми экономически-

ми преимуществами, к которым не относился Дальний Восток. В результате государственное распределение лишь усиливало сравнительное экономическое угнетение региона в полном соответствии с концепцией так называемой совокупной причинной обусловленности [27].

В этих условиях экономический рост в регионе мог носить лишь преимущественно эндогенный характер, основываясь в основном на накопленной инерции ранее созданного производственного и социального потенциала, а также на доходах, генерируемых в экспортных отраслях (лесной, горнодобывающей, рыбной, металлургической).

К 1998 г. регион достиг нижней точки экономического развития: на 44% сократился объем валового регионального продукта, более чем на 50% снизился объем промышленной продукции, более чем на 70% уменьшились инвестиции в основной капитал.

Только с 1999 г. началось медленное восстановление экономики региона благодаря усилению рубля в результате девальвации, последовавшей за кризисом 1998 г., стимулирующей роли, которую для дальневосточной экономики играл экспорт. Стоимость экспорта из региона в 1991–2007 гг. увеличилась более чем в 5 раз. Рост экспортных доходов являлся как

компенсатором снижения межрегионального спроса в 1990-х годах, так и фактором увеличения совокупного спроса, начиная с 1999 г. В значительной степени этому способствовала модернизация «экспортного ядра», состава отраслей специализации, обеспечивавших основную часть регионального экспорта. С 2004 года начались экспортные поставки нефти и газа с шельфовых месторождений Сахалина, а к 2008 г. добыча нефти увеличилась по сравнению с 2000 г. в 3,6 раза, а добыча газа — в 2,7 раза. Это кардинально изменило структуру экспорта региона. Если в 1992 г. экспорт нефти и нефтепродуктов составлял 4,1% всего экспорта, то в 2004 г. — 33,6%, а в 2008 г. — 49,8% [13, с. 97].

Это не изменило того факта, что для Дальнего Востока не действовали наиболее важные для экономики России в тот период факторы экономического роста — быстрый рост доходов от экспорта углеводородов и прирост внутреннего конечного спроса в результате роста совокупных доходов. Первый фактор, во-первых, проявился слишком поздно, а во-вторых, уровень локализации той части доходов от экспорта, которая оставалась за вычетом компенсирующих по условиям соглашения с иностранными инвесторами платежей, был чрезвычайно низким. Второй фактор блокировался отсутствием в самом регионе производства продукции и услуг конечного потребления, которое могло бы воспринять этот импульс со стороны доходов.

Вместе с тем в этот период начали формироваться условия для активизации эндогенных факторов экономического роста благодаря увеличению темпа инвестирования в основной капитал главным образом по двум направлениям — инвестиции в инфраструктуру для последующего увеличения ресурсного экспорта (морские порты, железные и автомобильные дороги, электроэнергетика, трубопроводы), а также капиталовложения в перерабатывающую промышленность, ориентированную на экспорт и государственные нужды (нефте- и газопереработка, машиностроение, лесопереработка, горнорудная промышленность). Среднегодовой темп роста инвестиций в основной капитал в этот период составил более 14%. Кроме некоторой части инвестиций, направлявшихся в третичный сектор экономики, основная их часть была направлена в проекты с относитель-

но длинным сроком освоения, что проявилось в статистическом снижении предельной продуктивности инвестиций в основной капитал.

Финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. продемонстрировал тщетность надежд на возможность базировать макроэкономическую динамику на Дальнем Востоке на эндогенных факторах. Совокупное воздействие шока внешнего спроса из-за спада экономик стран Северо-Восточной Азии и шока внутреннего спроса из-за сокращения доходов федерального бюджета и спада экономической активности в частном секторе обусловило в первом полугодии 2009 г. почти 18%-ный спад в промышленности региона против 11% снижения в целом по РФ.

«Восточный поворот». 2009—2017 гг.

Не столько сам кризис 2008—2009 гг., сколько проявившиеся в его ходе глубинные геополитические и макроэкономические проблемы, требовавшие корректировки национальной геэкономической политики в России, обусловили повышение оценки «национальной экономической полезности» Дальнего Востока. Это было связано с обострившейся уже к 2007 году проблемой сохранения возможностей экстенсивного наращивания на европейских рынках экспортной ренты, которая была и пока остается основным источником генерирования совокупного дохода и основным фактором экономического роста национальной экономики. Агрессивная рыночная конкуренция, поощряемая ограничительным регулированием на европейских энергетических рынках, все более препятствовала сохранению стабильных позиций на европейских рынках. Увеличение же доли интенсивных факторов роста внешнеторговой ренты блокируется технологической зависимостью российских экспортных компаний и медленной структурной модернизацией экономики, что не позволяет осуществить быстрое и эффективное замещение традиционного экспорта новыми его видами.

Кроме того, выстроенная к 2009 г. модель российской экономики предполагала, что для поддержания устойчивости не только роста, но и всей системы социально-экономического функционирования необходимо обеспечить не просто определенный уровень извлечения экспортной ренты, но и ее увеличение. Это было объективно возможно в коротком пери-

оде только при условии расширения пространственного поля извлечения экспортной ренты при сохранении ее продуктовой структуры.

Новым перспективным пространством для экспортной экспансии, особенно в энергетической сфере, представлялась Восточная Азия, в частности Китай. Реализация концепции «пространственного ребрендинга», конечно, предполагала значительное инфраструктурное укрепление Дальнего Востока, как транзитного полигона для национального экспорта на новые рынки. Рынки Восточной Азии, которые традиционно служили главным компенсатором колебаний внутреннего спроса для стабилизации и развития экономики самого Дальнего Востока, теперь предстояло превратить в один из основных источников роста и развития для национальной экономики в целом.

К 2009 г. многое в этом направлении было сделано в ходе решения наиболее острых инфраструктурных проблем. Были введены новые электрогенерирующие мощности, усилено сетевое хозяйство, продвинута модернизация Транссибирской магистрали и БАМ, проведена корректировка тарифной политики на железнодорожном транспорте, реконструированы и развиты морские порты, что существенно улучшило состояние транспортной инфраструктуры [14]. В 2009–2011 гг. усиленное развитие магистральной экспортной инфраструктуры было продолжено. В регион были направлены значительные инвестиционные ресурсы. Объем валовых инвестиций составил 2,5 трлн. руб. или 9% от инвестиций в основной капитал в целом по РФ, что было сопоставимо по доле с периодом 1970-х годов, когда в регионе модернизировался и расширялся военно-промышленный комплекс национального значения.

На этот раз инвестиционный бум был связан с созданием надежной транспортной и энергетической инфраструктуры, направленной на преодоление существующих ограничений по интенсивной эксплуатации действующих и разработке новых месторождений минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов региона, а также наращиванию экспортных поставок в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Важнейшими проектами этого рода являлись нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан, ресурсные проекты Южной Якутии, объекты саммита АТЭС в

г. Владивостоке, региональные газопроводы, сеть федеральных автодорог, модернизация морских портов [19].

Институциональный маневр

Основные корпоративные проекты на Дальнем Востоке (и связанные непосредственно с саммитом АТЭС, и реализующие долговременную экспортную стратегию) к 2012 г. завершились или завершались. Это привело к спаду инвестиционной активности в регионе (рис. 5). Высокие инвестиционные риски для частного капитала сохранялись, что отражалось относительно более высоким, чем в среднем по РФ, индексом инвестиционного риска в регионе⁴. Федеральный бюджет, конечно, не мог компенсировать отток частного капитала.

Но даже если бы это и было возможно, вряд ли результатом стало бы существенное изменение сравнительной макроэкономической динамики в регионе и в РФ в целом, которая слабо зависит от динамики инвестиций в экономике Дальнего Востока в силу упомянутой выше особенности отраслевой структуры инвестиций, обуславливающей длительный срок окупаемости, и низкого уровня локализации генерируемого инвестициями спроса. Собственно инвестиционная динамика слабо влияет на темпы развития региона (табл. 2).

Если стратегия «инвестиционной накачки» неэффективна с точки зрения достижения кардинального перелома макроэкономических трендов в регионе, то иная ситуация складывается в области формирования стандартов экономического развития региона, то есть кардинального повышения качества жизни и улучшения предпринимательской среды в регионе. Без достижения этого результата нельзя рассчитывать, даже при удовлетворительном состоянии экспортной инфраструктуры, на какую-либо стабильную интеграцию России в целом и Дальнего Востока в частности в экономическую систему Восточной и Северо-Восточной Азии. Для этого субрегиона мира уровень экономического развития и состояние институциональной среды потенциальных партнеров являются если и не решающим, то одним из

⁴ Индекс инвестиционного риска оценивается рейтинговым агентством «Эксперт РА» и представляет собой сочетание социального, экономического, финансового, криминального, экологического и управленческого рисков.

Рис. 5. Инвестиции в основной капитал, % к предыдущему периоду

Источники: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФCGC. 2017. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438

Таблица 2. Сравнительные темпы прироста макроэкономических показателей, 2009–2016 гг., %, 2009=100

Показатели	РФ	Дальний Восток
Валовой региональный продукт	116,3	114,5
Промышленное производство	116,4	136,1
Экспорт	91,3	157,4
Инвестиции в основной капитал	113,4	86,2
Реальные доходы населения	106,9	112,2

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФCGC. 2017. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438

наиболее важных условий не просто торговых взаимодействий, но полномасштабных интеграционных связей, что и выступает конечной целью России на восточном направлении.

Следовательно, необходимо решить задачу не «на рост», а «на развитие», то есть изменить качество социальной, коммунальной и бизнес-среды в регионе, создать стимулы внутрирегиональной генерации доходов, добиться на основе активизации предпринимательства в целом и инвестирования в частности кардинального изменения соотношения альтернативных расходов и доходов населения, что лучше всевозможных программ и льгот поможет решить проблему оттока населения и улучшения его ка-

чественного состава. Это предполагает изменение структуры инвестиционных потоков, которые при данной абсолютной величине должны быть направлены на решение вышеуказанных задач, и их сопровождение ориентированными институциональными новациями.

Следовательно, важнейшим условием устойчивого и эффективного развития Дальнего Востока, подтверждаемым всей историей формирования и модификации макроэкономических и социальных тенденций, является сохранение государственного инвестирования мероприятий, направленных на решение задач социального и инфраструктурного развития собственно региона при создании эффективной

институциональной среды, способствующей активизации эндогенных факторов регионального экономического роста.

Осложнение макроэкономической и, соответственно, бюджетной ситуации наряду с осознанием вышеуказанных фундаментальных проблем, которые препятствовали достижению успеха в развитии региона, привело к изменению с 2013 г. архитектуры государственной политики стимулирования развития восточных регионов.

В рамках новой государственной программы развития региона (2013–2018 гг.) восточная политика начала строиться как два относительно самостоятельных, хотя и связанных фрагмента. Во-первых, как содействие, в том числе и финансовое за счет средств федерального бюджета, развитию экспортной инфраструктуры для наращивания масштабов внешнеторговых операций российских экспортеров на восточном направлении. Во-вторых, как имплантация институциональных новаций [7; 10], преследующих цель привлечения частных инвестиций, в том числе иностранных, для повышения степени эндогенности экономического роста в регионе.

Очевидно, что эти изменения недостаточно учитывают вышеописанные тенденции экономического развития региона. Главной проблемой выступает сохранение отождествления экономического роста и социально-экономического развития, что проявляется в трактовке частных инвестиций как инструмента замещения государственных инвестиций в сферу поддержки темпов экономического роста, прежде всего в экспортно-производственную сферу. Между тем приоритетные задачи экономического развития заключаются в превращении Дальнего Востока в процветающий и современный регион за счет улучшения человеческого капитала, коммунальной среды, социальной инфраструктуры, создания комфортной предпринимательской среды. Решение этих задач возможно только на основе формирования реального частно-государственного партнерства национального уровня, в рамках которого государственные инвестиции сосредоточены на создании инфраструктуры и институционального каркаса регионального социально-экономического партнерства, а частные инвестиции концен-

трируются в сфере максимизации экспортной ренты на основе эксплуатации эффективных природных и экономических ресурсов как в регионе, так и в межрегиональной системе национальной экономики.

Заключение

Исследование взаимозависимости макроэкономических трендов и институциональной среды развития Дальнего Востока показывает, что не существует однозначного решения задачи конструирования «наилучшего» соотношения целей и средств регионального развития. Для различных исторических этапов, в зависимости от характера преследуемых целей и выбора инструментов для их достижения, это соотношение складывалось различным образом. Однако можно с известной степенью общности сформулировать условно оптимальные соотношения целей развития и типов экономической политики в отношении региона.

Наилучшие результаты достигались, когда внеэкономические цели государства, для достижения которых в регионе использовались централизованные государственные материальные и финансовые ресурсы, комбинировались с целями генерирования внутрирегиональных финансово-экономических ресурсов, что основывалось на государственной поддержке институциональной среды, максимально комфортной для формирования эндогенного типа воспроизводства в самом регионе.

Соответственно, наименее удачными с точки зрения поддержания стабильной социально-экономической динамики в регионе являлись периоды, когда государство преследовало исключительно «колониальные» цели извлечения максимально возможной полезности в регионе при минимальной поддержке за счет государственных ресурсов эндогенных факторов развития.

Относительно успешной является комбинация конструирования льготного институционального режима, обеспечивающего наращивание эндогенных факторов роста и развития в регионе, но не поддерживаемого финансово-экономическими ресурсами государства. В этом случае возможно позитивное социально-экономическое развитие региона, но воздействие государства на темпы этого развития и его обратное воздействие на решение государственных задач становятся минимальным.

Современный период характеризуется сочетанием «колониальной» эксплуатации транзитных и природно-ресурсных полезностей региона, с одной стороны, и замещением в области конструирования эндогенной социально-экономической системы региона финансово-экономических ресурсов государства институциональными стимулами, с другой стороны. Такое эклектическое комбинирование подходов и целей приложения экономи-

ческих и институциональных ресурсов, скорее всего, приведет к невозможности полностью реализовать цели ни федерального, ни регионального уровня. Можно предположить, что в перспективе придется сконструировать новую институционально-экономическую платформу для решения двуединой задачи социально-экономического развития региона и национальной экономической интеграции с Восточной Азией.

Литература

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. – Выпуск 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между русско-японской и первой мировой / отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск : РИОТИП, 2009. – 288 с.
2. История Дальнего Востока СССР. – Кн. 7 / А.В. Больбух, В.А. Зибарев, А.И. Крушанов, М.С. Кузнецов, А.Т. Мандрик, В.С. Флеров. – Владивосток, 1977. – 250 с.
3. Экономика Дальнего Востока. Проблемы и перспективы. [Текст] / А.Н. Гладышев, Н.И. Николаев, Н.М. Сингур, Б.Ф. Шапалин. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971. – 406 с.
4. Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2005. – 79 с.
5. Движение регионов России к инновационной экономике [Текст] / А.Г. Гранберг и др. – М. : Наука, 2006. – 400 с.
6. Дьяконов, Ф.Ф. Формирование народнохозяйственного комплекса Дальнего Востока / Ф.Ф. Дьяконов. – М. : Наука, 1990. – 94 с.
7. Исаев, А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики / А.Г. Исаев // ЭКО. – 2017. – № 4 (514). – С. 61–77.
8. Колосовский, Н.Н. Вопросы экономического районирования / Н.Н. Колосовский // Экономическое районирование СССР. – М. : ГИГЛ, 1959. – С. 6–14.
9. История Дальнего Востока СССР. – Кн. 5. / А.И. Крушанов, И.Ф. Кулакова, Б.Н. Морозов, Ю.А. Сем. – Владивосток, 1977. – 305 с.
10. Леонов, С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. – 2017. – № 2 (50). – С. 41–67.
11. Марголин, А.Б. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока / А.Б. Марголин. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
12. Меламед, И.И. Восточная политика России и развитие восточных территорий РФ / И.И. Меламед, М.С. Прокопьева // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 43 (322). – С.17–25.
13. Минакир, П.А. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / П.А. Минакир, О.М. Прокапало. – Хабаровск : ДВО РАН, 2010. – 304 с.
14. Минакир, П.А. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции / П.А. Минакир, О.М. Прокапало // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 5–26.
15. Минакир, П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / П.А. Минакир. – М. : Экономика, 2006. – 962 с.
16. Минакир, П.А. Экономическое развитие региона: программный подход / П.А. Минакир. – М. : Наука, 1983. – 224 с.
17. Немчинов, В.С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил / В.С. Немчинов // Вопросы экономики. 1961. – № 6. – С. 3–15.
18. Приамурье: факты, цифры, наблюдения. – М., 1909. – 940 с.
19. Экономическая конъюнктура в ДФО в 2011 г. / О.М. Прокапало, А.Г. Исаев, Д.В. Суслов, Е.И. Деваева, Т.Н. Котова // Пространственная экономика. – 2012. – № 2. – С. 89–127.
20. Тарасова, Ю.А. Некоторые итоги социалистической индустриализации Дальнего Востока за годы довоенных пятилеток / Ю.А. Тарасова // Вопросы экономики Дальнего Востока. – Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1958. – Т. 1. – С. 71–97.

21. Шлык, Н.Л. Внешнеэкономические связи на Дальнем Востоке / Н.Л. Шлык. – М. : Сов. Россия, 1989 – 149 с.
22. Экономика Дальнего Востока: переходный период. Хабаровск; Владивосток : Дальнаука, 1995. – 239 с.
23. Экономика Дальнего Востока: пять лет реформ. – Хабаровск : ДВО РАН. 1997. – 263 с.
24. Экономика Дальнего Востока: реформа и кризис. – Хабаровск; Владивосток : Дальнаука, 1994. – 200 с.
25. Экономическая реформа на Дальнем Востоке: результаты, проблемы, концепция развития. – Хабаровск, 1993. – С. 46–50.
26. Davis, Susan F. The Russian Far East: the Last Frontier? Routledge. London and New York. 2003. – 176 p.
27. Handbook of regional and urban economics. Edited by P.Nijkamp, Free University. Amsterdam, 1986. – 85 p.
28. Lynn Nicolas J. Resource Based Development: What Chance for the Russian Far East? // The Russian Far East and Pacific Asia. Unfulfilled Potential. Ed. By Michael J.Bradshaw. Routledge. London and New York. 2012. Pp. 10–31.
29. Stephan, Jonn J. The Russian Far East. A History. Stanford: Stanford University Press. 1994. – 241 p.
30. The Russian Far East and Pacific Asia. Unfulfilled Potential. Ed. By Michael J.Bradshaw. Routledge. London and New York. 2012.

Сведения об авторах

Павел Александрович Минакир – академик РАН, доктор экономических наук, научный руководитель, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: minakir@ecrin.ru)

Ольга Михайловна Прокапало – доктор экономических наук, директор, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: prokapalo@ecrin.ru)

Minakir P.A., Prokapalo O.M.

Centralization and Autonomation as the Drivers of Socio-Economic Development of the Russian Far East

Abstract. The article considers macroeconomic trends in the development of the economic complex in the Russian Far East. We explore the interaction of dynamic and structural parameters of reproduction and the specifics and regularities of promising modernization in the region. We analyze how the regional economy responds to various types of institutional impacts, and study the features of regional governmental economic policy in the east of the Russian Federation. We consider trends in external and internal impacts of economic, institutional, military and political nature. We describe formation regularities and assess sustainability trends. The aim of our research is to find the answer to the question about the possibilities and ways of transforming the socio-economic system of the Far East in accordance with the current national geo-economic paradigm. We prove that the best results in the development of the Far East were achieved in those periods when non-economic goals of the state were combined with the use of centralized material and financial resources of the state for the purpose of generating intra-regional economic and financial resources based on the support provided by government to the institutional environment that should be as comfortable as possible for the formation of endogenous reproduction within the region. We confirm a hypothesis that we have previously formulated in our joint publications; the hypothesis is that the periods when the state was pursuing exclusively “colonial” goals of getting the maximum possible utility from the region at a minimal support at the expense of governmental resources of endogenous drivers of development were the least successful from the point of view of maintaining stable socio-

economic dynamics in the region. We discuss the correlation between endogenous and cumulative regional economic growth in conditions when the importance of institutional framework generated at both federal and regional levels is increasing. We show that the modern period of institutional innovations in the field of regional economic development has the following specific feature: it combines “colonial” exploitation of transit and natural resource utilities of the region with the restoration of creating a diversified economic complex. The analysis of development trends in the region over the past 10 years shows that centralized financial resources are being substituted with institutional incentives; this may lead to an increase in the terms of building the capacity for endogenous development of the region’s economy and make its results less predictable.

Key words: Far East, macroeconomic trends, institutions, autonomation, integration, economic growth, development, East Asia.

References

1. *Antologiya ekonomicheskoi mysli na Dal'nem Vostoke. – Vypusk 2. Issledovanie sel'skoi ekonomiki Priamurskogo kraya mezhdru russko-yaponskoi i pervoi mirovoi* [The anthology of economic thought in the Far East. Issue 2. A study of rural economy of the Amur region between the Russo-Japanese and First World wars]. Executive editor P.A. Minakir. Khabarovsk: RIOTIP, 2009. 288 p. (In Russian).
2. Bol'bukh A.V., Zibarev V.A., Krushanov A.I., Kuznetsov M.S., Mandrik A.T., Flerov V.S. *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR. Kn. 7* [The history of the Far East of the USSR. Book 7]. Vladivostok, 1977. 250 p. (In Russian).
3. Gladyshev A.N., Nikolaev N.I., Singur N.M., Shapalin B.F. *Ekonomika Dal'nego Vostoka. Problemy i perspektivy* [The economy of the Far East. Problems and prospects]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 406 p. (In Russian).
4. *Dal'nii Vostok i Zabaikal'e v Rossii i ATR* [The Far East and the Transbaikal region in Russia and the Asia Pacific region]. Khabarovsk: IEI DVO RAN, 2005. 79 p. (In Russian).
5. Granberg A.G. et al. *Dvizhenie regionov Rossii k innovatsionnoi ekonomike* [The movement of Russia's regions toward an innovative economy]. Moscow: Nauka, 2006. 400 p. (In Russian).
6. D'yakov F.F. *Formirovanie narodnokhozyaistvennogo kompleksa Dal'nego Vostoka* [Formation of the economic complex of the Far East]. Moscow: Nauka, 1990. 94 p. (In Russian).
7. Isaev A.G. Territorii operezhayushchego razvitiya: novyi instrument regional'noi ekonomicheskoi politiki [Priority development areas: a new tool for regional economic policy]. *EKO*, 2017, no. 4 (514), pp. 61–77. (In Russian).
8. Kolosovskii N.N. Voprosy ekonomicheskogo raionirovaniya [Issues of economic zoning]. *Ekonomicheskoe raionirovanie SSSR* [Economic zoning in the USSR]. Moscow: GIGL, 1959. Pp. 6–14. (In Russian).
9. Krushanov A.I., Kulakova I.F., Morozov B.N., Sem Yu.A. *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR. Kn. 5*. [History of the Far East of the USSR]. Vladivostok, 1977. 305 p. (In Russian).
10. Leonov S.N. Instrumenty realizatsii gosudarstvennoi regional'noi politiki v otnoshenii Dal'nego Vostoka Rossii [Tools of the state regional policy in the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 2017, no. 2 (50), pp. 41–67. (In Russian).
11. Margolin A.B. *Problemy narodnogo khozyaistva Dal'nego Vostoka* [Problems of national economy in the Far East]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963. 255 p. (In Russian).
12. Melamed I.I., Prokop'eva M.S. Vostochnaya politika Rossii i razvitie vostochnykh territorii RF [East policy of Russia and development of east territories of the Russian Federation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], 2013, no. 43 (322), pp. 17–25. (In Russian).
13. Minakir P.A., Prokapalo O.M. *Regional'naya ekonomicheskaya dinamika. Dal'nii Vostok* [Regional economic dynamics. Far East]. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 304 p. (In Russian).
14. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Rossiiskii Dal'nii Vostok: ekonomicheskie fobii i geopoliticheskie ambitsii [Russian Far East: economic phobias and geopolitical ambitions]. *EKO*, 2017, no. 4, pp. 5–26. (In Russian).
15. Minakir P.A. *Ekonomika regionov. Dal'nii Vostok* [Regional economy. Far East]. Moscow: Ekonomika, 2006. 962 p. (In Russian).
16. Minakir P.A. *Ekonomicheskoe razvitie regiona: programmnyi podkhod* [Economic development of the region: program approach]. Moscow: Nauka, 1983. 224 p. (In Russian).

17. Nemchinov V.S. Teoreticheskie voprosy ratsional'nogo razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil [Theoretical issues of rational distribution of productive forces]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economics], 1961, no. 6, pp. 3–15. (In Russian).
18. *Priamur'e: fakty, tsifry, nablyudeniya* [The Amur region: facts, figures, observations]. Moscow, 1909. 940 p. (In Russian).
19. Prokapalo O.M., Isaev A.G., Suslov D.V., Devaeva E.I., Kotova T.N. Ekonomicheskaya kon'yunktura v DFO v 2011 g. [Economic situation in the Far Eastern Federal District in 2011]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 2012, no. 2, pp. 89–127. (In Russian).
20. Tarasova Yu.A. Nekotorye itogi sotsialisticheskoi industrializatsii Dal'nego Vostoka za gody dovoennykh pyatiletok [Some results of socialist industrialization of the Far East during the prewar five-year periods]. *Voprosy ekonomiki Dal'nego Vostoka* [Problems of economy of the Far East]. Blagoveshchensk: Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. Vol. 1. Pp. 71–97. (In Russian).
21. Shlyk N.L. *Vneshneekonomicheskie svyazi na Dal'nem Vostoke* [Foreign economic relations in the Far East]. Moscow: Sov. Rossiya, 1989. 149 p. (In Russian).
22. *Ekonomika Dal'nego Vostoka: perekhodnyi period* [Economy of the Far East: transition period]. Khabarovsk; Vladivostok: Dal'nauka, 1995. 239 p. (In Russian).
23. *Ekonomika Dal'nego Vostoka: pyat' let reform* [Economy of the Far East: five years of reforms]. Khabarovsk: DVO RAN. 1997. 263 p. (In Russian).
24. *Ekonomika Dal'nego Vostoka: reforma i krizis* [Economy of the Far East: the reform and the crisis]. Khabarovsk; Vladivostok: Dal'nauka, 1994. 200 p. (In Russian).
25. *Ekonomicheskaya reforma na Dal'nem Vostoke: rezul'taty, problemy, kontseptsiya razvitiya* [Economic reform in the Far East: results, problems, and a development concept]. Khabarovsk, 1993. Pp. 46–50. (In Russian).
26. Davis S.F. *The Russian Far East: the Last Frontier?* Routledge. London and New York, 2003. 176 p.
27. Nijkamp P. (Ed.). *Handbook of regional and urban economics*. Free University. Amsterdam, 1986. 85 p.
28. Lynn N.J. Resource Based Development: What Chance for the Russian Far East? *The Russian Far East and Pacific Asia. Unfulfilled Potential*. Ed. by M.J. Bradshaw. Routledge. London and New York, 2012. Pp. 10–31.
29. Stephan J.J. *The Russian Far East. A History*. Stanford: Stanford University Press. 1994. 241 p.
30. *The Russian Far East and Pacific Asia. Unfulfilled Potential*. Ed. by M.J. Bradshaw. Routledge. London and New York, 2012.

Information about the Authors

Pavel Aleksandrovich Minakir – RAS Academician, Doctor of Economics, Scientific Director, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: minakir@ecrin.ru)

Ol'ga Mikhailovna Prokapalo – Doctor of Economics, Director, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: prokapalo@ecrin.ru)

Статья поступила 15.11.2017.